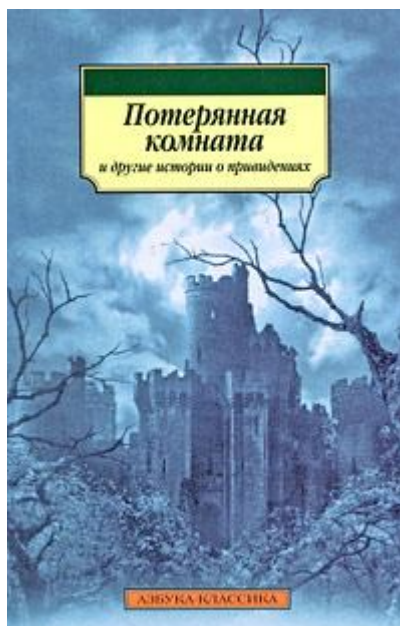

Леонард Кип Духи в Грантли

Леонард Кип ДУХИ В ГРАНТЛИ

Глава I

Лондонский дилижанс высадил меня у сторожки Грантли-Грейнджа, и остальной путь я по старой привычке проделал пешком. Рождественское утро выдалось на редкость погожим, прошагать мило по ухоженной аллее ничего не стоило, я охотно согласился бы и на более длительную прогулку. Легкий снежок больше походил на снежную пыль, но его хватило, чтобы преобразить окрестность: бурый дерн оделся изысканным, жемчужной белизны покрывалом, сухие листья хрустели под ногами, могучие дубы на светлом фоне выглядели еще древней и величавей и весь парк необычайно повеселел.

Когда я подходил к самому дому, церковные часы пробили полдень, и тут же все колокола завели веселый рождественский перезвон. Вверх-вниз, туда-сюда, то обрывок мелодии, то снова сбивчивая многоголосица; отдельные ноты, двойные, тройные созвучия и далее все, что способен выдать удачный подбор колоколов, – словом, трезвон самый залихватский. С минуты на минуту я ожидал, что мне навстречу поспешит мой дядя Рутвен. Ведь я знал, как он любит колокола; когда затевались звоны, он, чтобы лучше слышать, подсаживался обычно к открытому окну. И как мне сквозь безлиственные кроны хорошо виден дом, так и дядя Рутвен тут же меня заметит в окошко. Я даже на миг огорчился, когда ко мне никто не вышел и даже никто не встретил в дверях, так что пришлось войти без доклада. Через главный холл я направился в библиотеку.

В центре комнаты стоял дядя Рутвен: голова запрокинута, взгляд сверлит стену напротив, одна рука поднята на уровень лица, вторая – заведена за спину, лицо выражает твердую решимость. И видом, и позой он походил на статую античного «Дискобола». Похоже, я и застал его за метанием: чуть погодя он подобрал в другом конце комнаты валявшуюся на полу толстую книжку и вернул на стол.

– «Анатомия Меланхолии»¹, – хихикнув, пояснил он мне. – До сих пор никто не мог

¹ ...«Анатомия Меланхолии»... – Обширный трактат Роберта Бертона (1577–1640) «Анатомия Меланхолии»

похвастаться, что целиком проникся этой книгой – а, Джеффри? Хотя все мы, конечно, когда-нибудь приобщались к ней понемногу. Попала прямо в грудь и выпала между лопаток – прошла как сквозь летний туман. Исчез, голубчик, понял намек: пора и честь знать.

– Кто, дядя Рутвен? – спросил я.

– Дух, понятное дело.

Тут я слегка растерялся. Да, мне уже приходила в голову мысль, что библиотека Грантли-Грейнджа – самое подходящее место для привидений. Резные дубовые панели, потемневшие от времени, прослужили уже четыре века. Верх стен был затянут испанской кожей в причудливых штампованных узорах. Глубокий и широкий камин был так глубок и широк, что тлевшие в нем большие поленья выглядели как обычные сучья. Окна с громоздкими средниками помещались в нишах, и свет в них проходил приглушенный тенями. Столы, стулья и высокие книжные шкафы, рельефные и до того массивные, что они казались приросшими к месту, были изготовлены как будто для племени гигантов. С потолка свисали необычные лампы, гротескные канделябры на стенах освещали в основном внутреннюю поверхность своих тяжелых металлических абажуров. Над каминной полкой и рядом с дверями висели темные от старости картины; Сальватор Роза² под слоем вековой грязи представлял собой мешанину разнообразных теней с редкими вкраплениями поблекших пятен света. По обе стороны от него – восемь-десять портретов: гофрированные воротники, винно-красные ткани, доспехи; лица на покрытых трещинами и источенных жучком картинах были почти неразличимы, но по костюмам можно было судить о том, какие направления деятельности по собственной воле или нехотя выбирали себе в свое время и их прототипы. Да, это была угрюмая старая библиотека, где изобиловали трещины, которые бесполезно заделывать, паутина, с которой бессмысленно бороться, сквозняки, неизвестно откуда проникающие; где по стенам вечно плясали не подвластные никаким разумным законам тени. Само собой, временами думалось, что зал этот предназначался отнюдь не для людского удобства, но для шабашей ведьм или пиров привидений; когда на тусклом золоте узора, украшавшего испанскую кожу, несмело вспыхивал случайный солнечный луч, в моей голове рождались самые странные фантазии. Но, в конце концов, это были всего лишь праздные мысли, и я никак не ожидал, что воочию увижу здесь выходца с того света.

– Дух, вы говорите? – изумленно повторил я.

– Ну да, дух. Не пропускает ни одного Рождества, и уже много лет. Стоит зазвонить колоколам – и он тут как тут, словно они его разбудили. Если бы ты прежде проводил у нас рождественские праздники, ты бы, верно, его видел. Думает, он здесь свой и имеет все права. Сперва я немного пугался, но потом привык и отношусь спокойно. Люблю только показать, что я в доме хозяин, а призрак – он покладистый, вроде не обижается. Я вот ругнусь на него, а потом всегда маюсь раскаяньем. Но ты меня знаешь, Джеффри, чего я не переносу, так это нахальства. Кому это понравится: какой-то дух разгуливает по дому, словно он тут собственник, а ты у него в гостях? Погуляет-погуляет и исчезнет, и ничего такого важного не скажет.

Слушая, как непринужденно дядя Рутвен рассуждает о сверхъестественных явлениях, я вытаращил глаза.

– Но вы ведь и не даете ему возможности? – Я перевел взгляд на книгу, лежавшую на столе.

– Пожалуй, ты прав, Джеффри... не даю. Наверно, прояви я терпенье, чего-нибудь путного от него бы дождался. Но как раз терпенья мне и не хватает, а тут каждое Рождество одно и то же – как не вспылить? Вот и кидаю в него книгой, а потом совесть мучит. Не очень-то гостеприимный я получаюсь хозяин. С другой стороны – год за годом не оставляет

(1621) оказал заметное влияние на дальнейшее развитие английской прозы.

² *Сальватор Роза*. – Итальянский художник Сальватор Роза (1615–1673) считается представителем предромантических веяний в искусстве барокко.

в покое, и, сколько их еще бродит по дому, одному богу известно. Да, Джеффри, еще один есть точно. Сам я его не видел, но видел Биджерз, дворецкий, и он говорит, они оба похожи как две капли воды. Дам я слабину, а они вдруг явятся толпами, каково будет тогда жить в доме? Но довольно об этом. Ты, наверно, хочешь посмотреть свою комнату. Это Южный эркер, рядом с площадкой третьего этажа. Биджерз отнесет твой чемодан. Кстати, жаль, Лилиан еще не вернулась с континента. С ней бы тебе было интересней, чем со мной. Но я буду стараться, Джеффри. Ланч, как обычно, в час.

Сопровождаемый Биджерзом, я проследовал наверх, к Южному эркеру. Это была большая комната на южной стороне дома с просторным восьмиугольным окном-фонарем и с мебелью еще древней и массивней, чем в библиотеке, если такое возможно. Кроватный занавес из гобеленовой ткани, выцветший, с причудливым рисунком, я бы отнес к временам крестовых походов. Шкаф для одежды поражал своими размерами и основательностью; можно было подумать, что в прежние беспокойные времена хозяева дома, впутавшись в неприятности, находили там безопасное убежище. Прочие предметы обстановки были ему под стать, и все они придавали мрачный вид комнате, которая при иных условиях выглядела бы вполне жизнерадостно. Не спасала дело и тусклая картина, с большим тщанием изображавшая погребальную урну и плакучую иву, а в придачу – многочисленное, облаченное в траур семейство, которое шествовало парами по извилистой тропе к могиле, чтобы, обступив ее, предаться стенаниям. Пока я почтительно рассматривал это произведение искусства, в окно при каждом порыве ветра упорно стучались кривые ветки старого сучковатого тиса. От всего этого мне совсем взгрустнулось и, так же как в библиотеке, пришли мысли о привидениях. Помня свои недавние переживания и не желая заново обременять свой ум странными фантазиями, я постарался от них отделаться, и вскоре мне это действительно удалось. Я даже сумел относительно легко и не фальшиво напеть вполголоса оперную застольную песнь. Но тут, повернув случайно голову, я увидел странную фигуру, которая стояла в изножье кровати и не сводила с меня глаз, с выражением, впрочем, вполне дружелюбным.

Это был приятный молодой человек едва ли старше двадцати двух лет, вида отнюдь не бесплотного и не расплывчатого, а очень даже живого. Если бы не слова дяди и если бы знать объяснение, как в комнату мог незаметно проникнуть посторонний, мне не пришло бы и мысли о сверхъестественном вмешательстве. Манеры у красавчика были аристократические, наряд – пурпурный кафтан с прорезью и вышивкой по всей длине рукава, изящная шпажка на боку, шляпа с пером в руке – самый изысканный. Волосы падали длинными локонами на широкий кружевной воротник, борода была закручена на конце, как и крохотные, подвернутые вверх усики. Лицо, доброе и кроткое, любезно улыбалось, выказывая самые дружеские чувства.

– Безмерно счастлив свести с вами знакомство, – заметил он, играя золотым кружевом на рукоятке рапиры. – Особенно потому, что за время болезни меня мало кто навещал. Пожалуй, кроме дворецкого, в последнее время не было никого, да и тот как будто новый. Его поставил на должность еще один чужак, который, непонятно на каком основании, здесь распоряжается. Как только поправлюсь, я со всем этим разберусь.

– Вы говорите, вам нездоровилось?

– Да, дурнота, непонятная бессонница, а все из-за комка в груди, за который я должен благодарить Гарольда, моего братца. Если бы не эта история, я бы вас познакомил. Но я вас спрашиваю: после случившегося могу ли я оказать ему подобную честь? Стоит ли вообще с ним общаться? Если бы здесь присутствовала кузина Беатрис...

Тут в дверь постучали, и призрак, отшатнувшись немного в сторону, начал тускнеть и постепенно – сначала ноги, потом туловище и, наконец, лицо – весь истаял в воздухе. Я уже видел полностью резное изножье кровати, которое он прежде собой заслонял; не осталось совсем ничего, что напоминало бы о странном визитере. Открыв дверь, я увидел только Биджерза, дворецкого.

– Ланч готов, мастер Джеффри, – сказал он. – Рыбы сегодня не будет, Западный

дилижанс не прибыл, но грибы просто исключительные. Слышал мимоходом, как вы беседовали с духом – не с нижним духом сэра Рутвена, а с верхним. Сэр Рутвен видел только нижнего, а я обоих. Этого видел на прошлое Рождество, примерно в то же время. Беседой он меня, правда, не удостоил: кто я, всего лишь дворецкий. Они очень друг на друга похожи, мастер Джеффри. На обед подадут оленью ногу – очень рекомендую, да и почки тоже заслуживают внимания.

Глава II

В оставшееся время моего визита не произошло ничего заслуживающего упоминания. Рождественские праздники прошли как обычно, на следующее утро я вернулся в Лондон, и вскоре история с духами стала изглаживаться из моей памяти. Вначале, разумеется, я не мог думать ни о чем другом. Но мне помнилось, как хладнокровно воспринимал происходящее дядя Рутвен; я и сам начал склоняться к более трезвому подходу и задумался: что, если наиболее странные подробности являются не чем иным, как плодом моего воображения? В конце концов я пришел к выводу, что никакого духа не было, я просто видел сон.

Тем более я был занят по горло, и времени на праздное любопытство и досужие размышления совсем не оставалось. Первые восемь месяцев я прилежно готовился к карьере адвоката, а затем старательно забывал все выученное, сопровождая в прогулках по Лондону кузину Лилиан. Она вернулась из поездки по континенту и, прежде чем отправиться в Грейндж, на некоторое время остановилась с отцом в Лондоне. Приятный долг опекать Лилиан достался в основном мне: сэр Рутвен охотно освободил себя от этой доуки. Я был по уши влюблен в кузину, однако ни за что на свете не признался бы в этом преждевременно, чтобы Лилиан не стала мною помыкать. В конце концов мы, разумеется, рассорились. Это произошло накануне отъезда сэра Рутвена и Лилиан домой, и она, известив меня, что отправляется дилижансом в 10.45, строго-настрого наказала, чтобы я ни в коем случае не вздумал ее провожать. Мне это показалось добрым знаком, и я тут же поспешил к дилижансу. Как обычно бывает в таких случаях, мне не повезло, я опоздал, но невезенье обернулось удачей. Лилиан, поняв дело так, что я не настроен в скором времени мириться, начала раскаиваться в своем поведении.

Незадолго до Рождества сэр Рутвен, как обычно, пригласил меня в Грейндж. К его письму была приложена надушенная записка от Лилиан, где было сказано, что она охотно уехала бы на Рождество с тетей Элиной, но это невозможно и посему она остается дома, однако, если я явлюсь в Грейндж прежде, чем она куда-нибудь отбудет, она сочтет это положительным оскорблением. Записка очень меня воодушевила, я счел, что дела мои неплохи, тут же упаковал сундук и рождественским утром сел на первый дилижанс и отправился в Грантли-Грейндж.

И снова при выходе из дилижанса я был встречен колокольным звоном, и снова ко мне никто не вышел, и я поспешил в библиотеку засвидетельствовать свое почтение дяде Рутвену, которого рассчитывал застать на привычном месте у камина. Да, он был в библиотеке, однако не сидел, а стоял. Стоя рядом с креслом, он отвешивал самый сердечный поклон кому-то, кто находился в дальнем конце комнаты. Переведя взгляд туда, я заметил молодого человека в придворном платье двухсотлетней давности; приложив руку к сердцу, он с еще большей старомодной любезностью и приветливостью возвращал дядюшке поклон. Ни на мгновение я не усомнился, что вижу «нижнего» духа. В самом деле, он был почти неотличим от духа «верхнего». Тот же возраст, то же радостное и благорасположенное выражение лица. Густые локоны, падавшие на воротник, остроконечная борода, бархатный, с разрезами, костюм, кружева, золотые кисточки, узкая рапира с изысканной отделкой. Заметные различия сводились к более темному цвету лица и волос, а также яркому, винно-красному цвету платья. Душа радовалась при взгляде на это взаимное приветствие, столь оно было сердечным и церемонным: дядя приседал до тех пор, пока не стукнулся о стоявший сзади стол, дух в ответном поклоне задел кончиком ножен Сальватора Розу,

добавив к следам жучков свежую царапину.

– Видишь, Джеффри, – шепнул дядюшка, изготавливаясь к новому поклону, – он явился снова, минута в минуту. Тогда же, когда и в прошлом году, словно его разбудили колокола. Помнится, ты предположил, что я, наверное, повадился слишком резко его обрывать. Будем же на сей раз осмотрительны и выслушаем его историю с начала до конца. – Он обратился к призраку: – Счастлив снова вас видеть, любезный сэ.

– Я счастлив не менее и даже более, – отозвался дух. – И я знаю, что мой брат Артур, услышав о вашем прибытии, радовался бы точно так же. Впрочем, от кого ему услышать? После того как он дурно со мной обошелся, – собственно говоря, возвел на меня поклеп, – было бы ниже моего достоинства приближаться к нему даже для того, чтобы сообщить такую новость. Придется поэтому приветствовать вас единолично.

– Нет, ты только послушай! – пробормотал дядя Рутвен, краснея от гнева. – Я старался изо всех сил, но возможно ли обмениваться любезностями с тем, кто вообразил, будто я у него в гостях? Я обращаюсь с ним так радушно, как только могу, а в результате он, глянь, позволяет себе покровительственный тон.

Случилось так, что, тронутый теплым дядюшкиным приветствием, призрак немного переместился нам навстречу и оказался между нами и окном. От перемены места переменилась удивительным образом и его наружность. Красивое, располагающее лицо обернулось странной путаницей линий, черты закрыло паутиной борозд и морщин, и что они выражают – было не понять. Впрочем, через миг прежняя картина вернулась на место. Призрак отодвинулся от окна, лицо его вновь сделалось четким, в нем высветились любезность, утонченность и ум. Тайна объяснилась лишь впоследствии. А в ту минуту странное зрелище мелькнуло так быстро, что казалось излишним выяснять причины происшедшего. В память мне врезалась только одна деталь: красная линия поперек его шеи, словно бы след насилия. Даже когда дух посторонился, она не изгладилась, пока на нее падал прямой солнечный свет.

– Будь здесь кузина Беатрис, – заметил дух далее, – она, конечно, тоже была бы счастлива вас принять. Но где она теперь? Я не видел ее уже несколько дней. Как вы думаете, возможно ли, что братец Артур, мало того что оскорбил меня необоснованным подозрением, но еще и настроил против меня кузину? Если это так, пока жив, ни за что...

– Ты только послушай! Пока он жив! Молча выносить подобный бред? – крикнул дядя Рутвен. – Ну что, Джеффри, видишь теперь, что надо положить этому конец?

С этими словами дядюшка, как в предыдущее Рождество, схватил большую книгу и мстительно швырнул в незнакомца. Если раньше у меня возникали сомнения относительно его нематериальной природы, теперь их не осталось. Сколь бы плотным и непрозрачным ни казался призрак, том, попав ему в живот, свободно пролетел насквозь и шлепнулся на пол с той стороны, сама же фигура не претерпела ни малейшего ущерба, за исключением только мелькнувшей на лице тени неудовольствия, что при таком грубом приеме было вполне понятно. Осознав как будто, что ему не рады, призрак поблек и исчез.

– «Цицерон» Миддлтона³ на сей раз, – заметил дядя, утирая лицо и рассматривая орудие, которое только что с успехом использовал. – Переварил, как и прошлогодний том. Если так пойдет дело, освоит в конце концов всю мою библиотеку. Ничего не попишешь, Джеффри. Ты видел, я старался быть вежливым. Но когда какой-то призрак изображает из себя владельца дома и к тому же разговаривает так, будто он живой, кто устоит перед искушением заткнуть ему рот? Ну ладно, Джеффри, готовься к ланчу. Южный эркер, как в прошлом году.

Поскольку комната была та же и все катилось по прежней колее, я ожидал новой встречи с духом в пурпурном платье. И понятно, поднимался по лестнице не без некоторых

³ «Цицерон» Миддлтона... – Имеется в виду «Жизнеописание Марка Туллия Цицерона» (1741) кембриджского библиотекаря Коньера Миддлтона (1683–1750).

опасений. Одно дело, когда тебе является дух с самого начала улыбающийся и дружелюбно настроенный, и совсем другое – когда ты намеренно пересекаешь дорогу духу, у которого, быть может, настроение сейчас не из лучших, и он решит досадить тебе при помощи каких-нибудь сверхъестественных средств. Переодеваясь, я все время ждал появления духа и нервно оглядывался. Но так уж заведено, что самые, казалось бы, верные ожидания оправдываются редко; никто меня не потревожил, и я, переодевшись, радостно и спокойно отправился в столовую.

У порога гостиной я услышал легкий шелест шелков, вошел и застал там кухню Лилиан: она уже была одета к ланчу и теперь охорашивалась у камина. После того, что произошло в Лондоне, она, разумеется, изобразила надменный реверанс и обратилась ко мне по фамилии, словно к чужаку, представленному ей только вчера; я, конечно же, ответил поклоном, каким Рэли впервые приветствовал королеву Елизавету⁴. Слегка подняв брови в знак того, что удивлена моим вторжением, Лилиан заметила, что сэр Рутвен как будто находится в библиотеке. Я сказал, что уже видел сэра Рутвена и нашел его полностью поглощенным беседой с духом. Поскольку день сегодня как будто приемный и могут явиться другие посетители, я решил пока что его не тревожить, а с ее разрешения остаться здесь.

Благополучно покончив с преамбулой, мы перешли к обмену колкостями; иные приходилось импровизировать, однако большая часть, заготовленная много ранее, хранилась в запасе как раз для подобного случая. Обмен снарядами не приносил большого ущерба, каждый из нас оставался недосыгаем в своей крепости, меж тем мы постепенно успокоились и дело пошло к примирению. Насколько бы растянулся этот процесс при обычных обстоятельствах, не знаю, но внезапно Лилиан словно что-то подтолкнуло. Схватив меня за руку, она, как встарь, обратилась ко мне просто по имени. Я обернулся: ее взгляд, удивленный, но не то чтобы особенно испуганный, был устремлен в противоположный конец комнаты.

– Смотри, Джеффри! – прошептала она. – Верхний дух! Как его сюда занесло?

Глава III

Обернувшись, я заметил наконец духа в пурпурном бархатном костюме, склонявшегося до самого пола в столь смиренном поклоне, что гневаться на него было невозможно, хотя объяснение все же требовалось.

– Позвольте, любезный сэр, – заговорил я, – такое вторжение...

– Я, разумеется, должен извиниться. – Последовал новый поклон. – Этим утром я немного опоздал к Южному эркеру. Проходя по коридору, я заметил здесь даму. Решив, что это кухня Беатрис, я вошел. Вижу, это была ошибка. Прошлой ночью я без конца ворочался, не давал покоя комок в груди; плохой сон, расстроенные нервы – вот я и обознался. Всею виной, наверное, возмутительный поступок брата Гарольда. А теперь мне остается только извиниться за вторжение и уйти.

– Задержитесь ненадолго, – попросил я. – Это моя кухня мисс Лилиан, она нисколько вас не боится и простит вам этот небольшой промах. И... и мне нужно многое вам сказать.

Собственно, я опасался, что вижу духа в последний раз, а мне из милосердия следовало просветить его относительно его истинного положения. Поистине печально было наблюдать юного призрака, миловидного и приветливого, который не первый уже век разгуливает, считая себя живым, и я решил: будет благим деянием исправить его ошибку. Как нарочно, в тот же миг мне подвернулось убедительное доказательство. Собираясь удалиться, призрак

⁴ ...Рэли впервые приветствовал королеву Елизавету. – Сэр Уолтер Рэли (ок. 1552–1618) – государственный деятель, авантюрист и поэт (впоследствии казненный) – прославился пиратскими нападениями на испанский флот, за что получил в 1585 г. рыцарство и пользовался при дворе Елизаветы I щедрыми милостями. Согласно легенде, однажды, когда в его присутствии королева должна была перейти через грязную лужу, он бросил ей под ноги свой дорогой плащ.

сделал шаг в сторону; как в прошлый раз его собрат, он оказался между мною и окном, и схожим образом его черты накрыла сеть борозд и морщин. Но поскольку в такой позе он задержался немного дольше, чем другой призрак, мне скоро открылась его тайна. Удивительное явление: яркий солнечный свет пронизывал призрака насквозь, голова при этом делалась прозрачной. Не такой прозрачной, как стекло, а скорее матовой, как фарфоровая пластина, которую держат против света: мутная, она все же пропускает свет и на ней отчетливо проступают темные трещины и дефекты. Подобным же образом свет преобразил голову нашего гостя; она сделалась полупрозрачной, вроде облачка или тумана, и во всех направлениях ее пересекали прямые и кривые линии различной толщины. Вначале мне показалось, что под сплетением линий черты лица исчезли совсем и их можно видеть только в профиль, но вскоре я убедился, что это не так. Они оставались на месте: блестящие глаза, нежный рот, красивой формы ухо. При известном усилии их общие контуры все еще можно было различить. Просто на них наложилось множество других линий, проступивших из глубины черепа. Но и эти, другие линии оказалось возможным проследить. Широкая искривленная борозда обозначала контур долей головного мозга. Я видел границы глазного яблока под орбитой глаза, видел тонкие нити, связывающие глаз с мозгом. Видел барабанную перепонку, мелкие косточки уха, четко обозначенные извилистые ходы между носом и ухом. Небо, глотку – до самого того места, где начинался нарядный кружевной воротник. Короче говоря, под яркими солнечными лучами голова молодого человека уподобилась современным медицинским моделям из воска, в которых точно воспроизведены на полагающихся местах все детали скелета; более того, в отличие от любой рукотворной модели, эту голову можно было изучать во всех подробностях, не разнимая.

– Как долго, – начал я, сдвигаясь чуть в сторону, чтобы видеть духа на фоне стены, а не окна (я рассчитал точно: призрак вернул себе человеческий облик, черты обозначились с обычной четкостью, лишние линии и дуги исчезли), – как долго вы хвораете и плохо спите по ночам из-за боли в груди?

– Неделю, пожалуй, или даже больше.

– Простите, тут вы – да и тот, другой – чуточку промахнулись в хронологии. Тот небольшой эпизод, который, по-вашему, длится всего лишь несколько дней, в действительности растянулся более чем на два столетия. Вас постигло такое состояние ума, когда невозможен правильный счет времени. Почему подобное произошло, у меня не спрашивайте. Тем не менее печальные факты таковы, что ваши блуждания продлились уже два века и не известно, кончатся ли они вообще. В доказательство я могу сослаться на ваш костюм, сшитый по моде времен Карла II⁵, меж тем как наступил уже тридцать восьмой год правления королевы Виктории⁶.

Я примолк, рассчитывая, что дух пожелает задать какой-нибудь вопрос. Но он растерянно молчал, и я продолжил:

– И вы опять заблуждаетесь, полагая, что полученное вами телесное повреждение всего лишь нарушило ваш сон. Нет, вы умерли и, разумеется, были должным образом похоронены. Соответственно, сейчас вы не человек, а всего лишь призрак. Должно быть, вам неприятно это слышать, но рано или поздно пришлось бы узнать. В конце концов, нет ничего плохого в том, чтобы быть благовоспитанным, добропорядочным духом. В качестве такового вам

⁵ *...костюм, сшитый по моде времен Карла II...* – Карл II (1630–1685) – король Англии и Шотландии с 1660 г. В 1646 г., в разгар гражданской войны, покинул страну и оставался на континенте вплоть до Реставрации Стюартов. Вернулся в Англию и вступил на престол в день, когда ему исполнилось тридцать лет (29 мая 1660 г.). Получил прозвище Веселый Король (The Merry King) ввиду процветавших при дворе во время его царствования вольных нравов.

⁶ *...наступил уже тридцать восьмой год правления королевы Виктории...* – Королева Виктория наследовала английский престол после смерти своего дяди по отцу, бездетного Вильгельма IV, 20 июня 1837 г.; следовательно, время действия рассказа – декабрь 1874 г.

позволено показываться каждое Рождество, но лишь на несколько минут, после чего вы, без сомнения, возвращаетесь к себе в могилу. Там, как я предполагаю, вы дремлете до следующего Рождества – у вас ведь, похоже, нет ясного представления о том, где вы находитесь. По крайней мере, вам уютно и привольно, чего не скажешь о многих прочих духах. Даже отец Гамлета вроде бы претерпевал мучения, при том что, если верить свидетельствам, он был, не в пример своему брату, очень достойным человеком. Вы мне не верите? Тогда, в качестве доказательства, встаньте, пожалуйста, перед окном – прямо под солнечные лучи. А теперь, позвольте, я подержу для вас зеркало. Вглядитесь в отражение – видите, вы просвечиваете насквозь? По-моему, это самое надежное доказательство того, что человек благополучно перешел в разряд духов. Вот видны ходы у вас в ухе, завитки мозга, яремная вена. А вот эту линию не примите за нерв или иную деталь анатомии – это трещина в стекле. Если вам захочется потом из любопытства изучить свою внутреннюю анатомию основательней, советую воспользоваться новым, хорошим зеркалом. Ну, вы еще сомневаетесь относительно своего нынешнего состояния?

– Увы, какие уж тут сомнения, – простонал дух. – Но что же мне делать?

– Занятий множество. Я думаю вот что: как человеку не следует вести праздную жизнь, так и у духов должны быть свои обязанности. Едва ли в незримом мире хозяйство организовано так, чтобы духи зря прожигали жизнь, а вернее, существование. Будь я духом, уж я бы постарался приискать себе какое-нибудь достойное применение. Наверное, нашел бы способ приносить пользу миру, мной покинутому. Предположим, вы поставите себе задачу удержать в памяти хоть что-нибудь касающееся вашего пребывания в незримом мире: к какому разряду вы отнесены, куда посланы и прочее подобное, и через мое посредство время от времени делились бы этими сведениями с человечеством. Не кажется ли вам, что это было бы благое деяние, что все живущие на земле были бы вам бесконечно благодарны?

Дух молча помотал головой. Очевидно, благодарность всех живущих на земле не особенно его прельщала.

– Или же, – продолжал я (меня осенила новая идея, особенно мне понравившаяся, поскольку я в последнее время увлекался юридическими аспектами медицины), – или же вы могли бы внести немалый вклад в изучение анатомии и патологоанатомии. В печати сообщалось о человеке, имевшем в боку отверстие, через которое можно было наблюдать за процессами пищеварения, что принесло большую пользу медицинской науке. Нужно ли говорить, что ваш случай бесконечно интереснее и куда перспективнее с практической точки зрения? Не особенно рискуя ошибиться, предположу, что тело у вас такое же прозрачное, как голова, и только одежда мешает наблюдать за функционированием ваших внутренних органов. Разоблачившись, вы запросто могли бы при ярком солнечном свете демонстрировать работу сердца, легких и желудка. Давая ежедневные сеансы, вы обогатили бы науку новыми открытиями. В вашем организме, несомненно, заключен некий тонкий, призрачный, едва уловимый флюид, аналогичный человеческой крови, и медики могли бы изучать его циркуляцию. Во врачебной науке имеются неразрешенные вопросы, касающиеся некоторых органов и сосудов: действительно ли человеческий организм в них нуждается, или это рудименты, в процессе развития утратившие свое значение. С вашей помощью эти вопросы могли бы быть разрешены. Собственно...

Захваченный размахом своих предположений, я отвлекся от призрака и сквозь полуприкрытые веки созерцал потолок, но тут Лилиан, тихонько дернув меня за рукав, скосила глаза на нашего гостя, и я понял, что пора обратить на него внимание. Он неподвижно стоял у окна, однако любезной мины у него на лице как не бывало; по нему разливался теперь румянец злобной ярости, омрачившей все его черты. Я, естественно, смолк, он резко повернулся ко мне.

– Вы все сказали? – Дух разразился старомодным богохульством времен династии Стюартов⁷. – Ваше оскорбительное предложение на том заканчивается? Хорошо ли вы

⁷ ...времен династии Стюартов. – Стюарты – королевская династия в Шотландии (с 1371), а затем также и

поразмыслили, прежде чем додуматься до того, что сэр Артур Грантли, придворный короля Карла, не найдет себе более достойного занятия, чем иллюстрировать собой теории всевозможных горе-лекарей и шарлатанов?

Извергнув еще одно кощунственное ругательство, дух наполовину вытянул из ножен тонкую рапиру, злобным, мощным толчком отправил ее обратно, выскочил за порог и исчез. Из коридора донеслись топот и еще пара-тройка диковинных устаревших ругательств.

Глава IV

Мы с Лилиан обменялись взглядами, полными немомго удивления. Колокол позвал на ланч, мы все так же молча двинулись в столовую.

– Возможно ли, – начал я, когда мы вошли в следующую комнату, – что этот человек, которого мы принимали за скромного домочадца, на самом деле являлся главой семьи? И твоим, Лилиан, предком?

– Папа должен знать. Спросим его за ланчем.

И вот, когда старый джентльмен взялся за вино, орехи и изюм (до этой минуты он занимался исключительно обедом и не любил, чтобы его отвлекали), Лилиан спросила:

– А был ли такой сэр Артур Грантли, папа?

– Дай подумать, – пробормотал дядя Рутвен. – Да, был, два столетия назад. Теперь припоминаю. Их было два брата-близнеца; старший наследовал поместье и титул, младший получил звание капитана королевской гвардии. Можно было ожидать, что ровесники, связанные столь тесными узами родства, будут жить душа в душу, но случилось иначе. Они рассорились, один брат убил другого и был за это повешен.

– А сохранились ли какие-нибудь записи, дядя Рутвен?

– Разве что в «Государственных процессах»⁸. Я туда никогда не заглядывал. Ни в «Берке»⁹, ни в «Дебретте»¹⁰ ссылок нет. Из этих весьма полезных сборников можно узнать только, что Гарольд Грантли умер в возрасте двадцати двух лет; причина умолчания, вероятно, – забота о семейной чести, хотя по прошествии стольких лет едва ли это необходимо. Нет лучшего средства очистить фамильный герб, чем время. Неприятно, конечно, когда клеймо убийцы лежит на твоём отце или деде, но если речь идет о событиях двухвековой давности – кого это волнует? Иначе лихо бы пришлось всем до единой

в Англии (1603–1649, 1660–1714). Вышли из шотландского знатного рода, закрепившего за собой с XII в. должность королевского управляющего – стюарта (отсюда родовое имя). Сын Марии Стюарт – шотландский король Яков VI занял по завещанию Елизаветы I английский престол и стал королем Англии, Шотландии и Ирландии под именем Якова I (правил 1603–1625). Его сын Карл I (правил с 1625 г.) в ходе революции был казнен, и Англия провозглашена республикой. После реставрации монархии Стюарты (Карл II; правил 1660–1685) вновь заняли престол. Преемник Карла II Яков II (правил 1685–1688) был свергнут в результате государственного переворота 1688–1689 гг. (т. н. Славная революция). Престол занял Вильгельм III Оранский (1689–1702), правивший совместно со своей женой – дочерью Якова II Марией II Стюарт (1662–1694). После смерти Анны Стюарт (правила 1702–1714) престол перешел к Ганноверской династии, находившейся со Стюартами в отдаленном родстве.

⁸ ...в «Государственных процессах»... – «Государственные процессы» (State Trials) – свод отчетов о судебных процессах в Англии, впервые изданный в 1719 г. в 4 томах. Пятое издание, выходявшее с 1809 по 1826 г., насчитывает 33 тома.

⁹ ...в «Берке»... – «Книга пэров Берка» (Burke's Genealogical and Heraldic Dictionary of the Peerage and Baronetage of the United Kingdom), содержащая список пэров Англии, впервые была издана Джоном Берком (1787–1848) в 1826 г.; с 1847 г. издается ежегодно.

¹⁰ ...в «Дебретте»... – «Дебретт» – ежегодный справочник дворянства (полное название – «Debrette's Peerage, Baronetage, Knightage and Companionage»); по фамилии первого издателя – Джона Филда Дебретта. Издается с 1802 г.

королевским фамилиям. Возьмем ее величество всемилостивейшую королеву Викторину – разве есть свидетельства, что ее хоть сколько-нибудь заботят подозрения, омрачающие память королевы Марии Шотландской?¹¹ Да лучше иметь предков с дурной славой, чем без всякой славы. Ну, обнаружит кто-нибудь, что на одной из ветвей его фамильного древа устроился Гай Фокс¹², – станет ли это для него ударом? В любом случае это пустячное убийство в роду Грантли нас не должно огорчать: прямая линия наследования тогда прервалась, майорат достался нам¹³ как представителям побочной ветви.

Исчерпав свое знание предмета, дядя Рутвен вновь взялся за стакан и далее повел речь о выращивании репы. Но мы с Лилиан этим не удовольствовались, после ланча ускользнули в библиотеку и сняли с верхней полки один из пыльных, ветхих от старости томов «Государственных процессов». Книгу, похоже, годами не снимали с полки, но мы, зная, при каком монархе произошел интересующий нас случай, за считанные минуты отыскали процесс «Rex Grantley»¹⁴. Книга была очень тяжелая, и мы сначала расположились у стола. Но там было слишком высоко, мы сели рядышком на софу, раскрыли книгу на коленях и стали вместе читать. Признаюсь, мне такое чтение понравилось. Лилиан пришлось склонить голову, ее локоны задевали мое плечо, теплое дыхание обвевало щеку. Чтобы поддержать Лилиан (как-никак на коленях половина тяжеленного тома), я обвил ее за талию, а она так углубилась в рассказ об убийстве, что как будто ничего не заметила. В литературе нередко встречаются такие эпизоды: молодой человек и девица сидят подобным же образом и читают одну на двоих книгу. Обычно это бывает томик поэзии или, на худой конец, увлекательный роман. Вопрос состоит в том, часто ли случается, чтобы молодая леди и ее поклонник увлеченно знакомились с историей убийства, совершенного одним из представителей ее семейства, и не чувствовали при этом ничего, кроме интереса к сюжету, как если бы главную роль в повествовании играли какой-нибудь Джек Шеппард¹⁵ или Оливер Твист. Но, как верно заметил дядя Рутвен, уж очень это было давно.

Из отчета в «Государственных процессах» следовало, что Артур и Гарольд Грантли были близнецы и им сравнялось по двадцать два года. Как говорил дядя Рутвен, Артур был старший и ему достались титул и поместье, Гарольд же получил офицерский чин в дворцовой гвардии. Естественно, братья много времени проводили вместе и все думали, что они очень друг к другу привязаны. Случались, разумеется, и небольшие размолвки, но вплоть до убийства никто не замечал, чтобы между ними пробежала черная кошка. Беда произошла в один из рождественских дней, около полудня. Гарольд взял отпуск, чтобы

¹¹ ...память королевы Марии Шотландской? – Мария I (урожденная Мария Стюарт; 1542–1587) – королева Шотландии с младенчества до низложения в 1567 г., а также королева Франции в 1559–1560 гг. (как супруга короля Франциска II) и претендентка на английский престол. С 1571 г. содержалась в заточении; после раскрытия заговора с целью убийства Елизаветы I предстала перед судом, была приговорена к казни и обезглавлена.

¹² Гай Фокс. – Английский дворянин-католик Гай Фокс (1570–1606) – самый знаменитый участник Порохового заговора против английского и шотландского короля Якова I 5 ноября 1605 г. Именно ему было поручено зажечь фитиль, ведущий к наполненному порохом помещению под палатой лордов в Лондоне. Он был арестован на месте преступления и в январе 1606 г. приговорен к четвертованию.

¹³ ...майорат достался нам... – Майорат (лат. major – «старший») – система семейного наследования имущества, согласно которой наследником является старший в семье.

¹⁴ Король против Грантли (лат.).

¹⁵ Джек Шеппард. – Жизни одного из самых известных в Англии воров и грабителей Джека Шеппарда (1702–1724), повешенного за свои преступления, посвящен целый ряд литературных произведений, в том числе роман Уильяма Харрисона Эйнсворта «Джек Шеппард» (1840).

навестить в Грейндже брата; после раннего обеда (гостей в доме не было, и некоторыми формальностями и церемониями братья пренебрегли) оба сидели за столом, беседовали, ели ломбардские орехи и пили вино. Возможно, они и выпили лишнего, однако не настолько, чтобы уж очень опьянеть. Вино разве что слегка разогнало кровь, но, как оказалось, это и привело к несчастью, лучше уж им было упиться до бесчувствия. Сэр Артур воспользовался случаем показать брату ценное фамильное наследие, известное как большой ланкастерский бриллиант и доставшееся их семье от боковой ланкастерской ветви¹⁶. В лихую годину Кромвеля¹⁷ бриллиант прятали в тайнике, и только теперь извлекли на свет божий. Можно предположить, что сэр Артур, равнодушный к их кузине Беатрис и желавший на ней жениться, объявил, что подарит ей семейную драгоценность, Гарольд же (он и сам был влюблен в Беатрис и не менее брата надеялся на взаимность) стал возражать, разгорелась ссора. Как бы то ни было, в доме слышали, как они громко спорили, неожиданно Гарольд позвал на помощь, прибежавшие домочадцы увидели, что его брат лежит на спине бездыханный, с явственными следами насилия на шее. Рассказ Гарольда сводился к тому, что сэр Артур внезапно откинулся на спинку кресла и стал задыхаться, словно его хватил удар. С другой стороны, выдвигались аргументы, что крепкие молодые люди не мрут на каждом шагу от внезапного припадка, что на трупе заметны следы удушения, что между братьями произошла размолвка (этого не отрицал и Гарольд), что они были соперниками в любви (само по себе достаточный повод для ненависти и ссоры) и – более того – что Гарольд, как претендент на наследство, был заинтересован в смерти брата. Опять же, бриллиант исчез. Если бы смерть была естественной, драгоценность никуда бы не делась, но она была главным поводом к ссоре, а потому убийца решил уничтожить улику, выбросив ее, по всей вероятности, в озеро. Словом, все ополчилось на оставшегося в живых брата, добавились и политические мотивы, в наше время едва ли понятные; кое-кто из фаворитов короля рассчитывал, устранив высокопоставленного соперника, продвинуться по служебной лестнице в гвардии и сумел повлиять на монарха не в пользу подозреваемого. В общем, после многих перипетий и продолжительного судебного процесса Гарольд был признан виновным и казнен.

– Теперь, – сказал я Лилиан, – для меня прояснилось многое, чего я не понимал. Красная линия на шее нижнего духа, боль в груди у духа верхнего (не иначе как от давления извне) – все эти обстоятельства складываются в единую историю и как нельзя лучше совпадают с судебным отчетом. Только – вот что на первый взгляд кажется странным – убитый как будто не помнит, что был убит, а убийца не помнит, что был казнен.

– В самом деле странно. Ну да не ждать же от духов большого ума!

– Это странно на первый взгляд, но стоит поразмыслить, и все встает на места. Претерпев насилие, мы часто впоследствии ничего не помним. Возьмем человека, который упал с высоты или получил удар дубинкой и потерял сознание; очнувшись, он понимает только, что с ним что-то случилось, но самого падения или удара не помнит. Почему же должно быть иначе, когда пострадавший умер? Рассмотрим обстоятельства в этом свете, и мы увидим: молодой баронет пробуждается в могиле, смутно помня о том, что на него как будто напали, о самом же убийстве даже не догадывается. Точно так же младший брат пробуждается и думает, что он живой; память о законном наказании стерлась, помнится только, что его обвиняли в насильственном преступлении, каком – неизвестно, однако он

¹⁶ ...от боковой ланкастерской ветви. – Ланкастеры – младшая линия (с 1267) английской королевской династии Плантагенетов. Междоусобная война за престол между двумя ветвями династии Плантагенетов – Ланкастерами и Йорками – известна под названием «Война Алой и Белой розы» (1455–1485).

¹⁷ В лихую годину Кромвеля... – То есть в период Английской революции XVII века, ознаменовавшей переход от абсолютной монархии к конституционной; предводителем антироялистов являлся Оливер Кромвель (1599–1658), с 1653 г. до кончины – лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии, фактически единоличный правитель страны.

обижен и не находит себе покоя.

– В самом деле, это очень правдоподобно, – согласилась Лилиан. – Но если он все же невиновен?

– В это трудно поверить, слишком много фактов говорит против. Такое неразумное предположение могло прийти в голову женщине, которой хочется смыть пятно с фамильного герба.

– Тьфу на фамильный герб, – отозвалась Лилиан, изображая вытянутыми губками «тьфу». При этом она была так хороша, что я, по-прежнему поддерживая ее за талию, всерьез задумался, а не воспользоваться ли случаем, чтобы сделать предложение. Оно ведь само собой разумелось, и каждый, в том числе и сама Лилиан, со дня на день его ожидал; дело внутрисемейное, предвидели его давно, обсуждали неоднократно, так чего же медлить, почему не открыть свое сердце?

– Думаю, Лилиан, – начал я, – сейчас самое время поговорить о нашем будущем.

– Хорошо, Джеффри.

На ее щеках выступил румянец; она догадывалась, что будет дальше: последует любовное признание, составленное в самых нежных выражениях. Но что касается нежных выражений, то по крайней мере в этом я, помня недавние провинности Лилиан, решил ее разочаровать.

– Нет, – сказал я, – Гарольд не мог быть осужден безвинно, в это невозможно поверить. Так что, Лилиан, видишь сама: ваша семейная репутация изрядно подпорчена. Тем не менее я, к несчастью, очень сильно к тебе расположен, а потому предлагаю руку и сердце. Надеюсь, этим я не нанесу себе слишком большой урон.

– Ты очень-очень добр, Джеффри, – отвечала Лилиан. – Я бесконечно благодарна тебе за такую честь. Мне кажется, каждой семье рано или поздно случается пережить какой-нибудь позор вроде смертной казни. У нас он уже позади, и я расцениваю это как величайшее везенье. А вот по вашей линии позор еще ожидается, и, судя по всему, выпадет он настоящему ее поколению. Я рада принять твое предложение – хотя бы для того, чтобы иметь законное право быть рядом и поддерживать тебя во время предстоящего испытания.

Так совершилась наша с Лилиан помолвка.

Глава V

Предполагалось, что венчание состоится не сразу. Дядя Рутвен придерживался старомодных понятий относительно брака; прежде всего он считал, что молодой человек не имеет права жениться, пока не приобретет профессию, ибо фамильное состояние – вещь слишком ненадежная и семья не должна зависеть от превратностей судьбы. Таким образом, было решено подождать моего успешного дебюта в суде.

Он состоялся в ближайшем октябре. Мне была доверена роль третьего адвоката в процессе «Ученик благотворительной школы против церковного старосты», угроза физическим насилием. Церковный староста отодрал ученику уши за игру в шарики на надгробии, но, к несчастью, настиг его уже за чертой кладбища. Это позволило вести речь о превышении власти и предъявить иск. Тяжба тянулась без малого пять лет, пора было переходить к судебному разбирательству. В качестве свидетелей вызвали директора школы, викария, добрую половину прихожан и троих звонарей – все они явились. Дополнительно требовалось свидетельство игрушечного мастера, который продал ученику шарики, однако получилось так, что вызов застал его в Шотландии, на смертном одре. Были назначены лица, уполномоченные отобрать у него показания. Игрушечный мастер лежал в бреду, сознание возвращалось к нему не более чем на полчаса в день, и он хотел воспользоваться этим промежутком, чтобы составить завещание. Однако судебные порученцы упорно не давали ему это сделать, требуя показаний; они сбивали мастера с толку, и он вновь начинал бредить. Процесс, разумеется, требовалось отсрочить, пока требуемое свидетельство не будет получено.

Случилось так, что старший адвокат отсутствовал и обязанность просить отсрочки легла на меня; немного опасаясь за свой голос, я все же справился с заданием. Судья сказал, что при согласии противной стороны никаких возражений не предвидится, противная сторона подтвердила свое согласие, отсрочка была дана. После этого я написал сэру Рутвену, что мой дебют в суде состоялся. Сэр Рутвен тут же откликнулся, интересуясь, появится ли в «Таймс» репортаж о моей речи. Я ответил, что этого не ожидаю, поскольку газеты, в ущерб другим важным новостям, посвящают главное внимание конфликту в Черногории¹⁸. Дядя Рутвен ответил, что в целом удовлетворен, даже если «Таймс» обо мне промолчит, и что теперь, когда я способен содержать семью вне зависимости от унаследованного состояния, свадьба может быть назначена сразу после Рождества. Мне было предложено приехать в рождественский сочельник, мы уютно пообедаем в тесном кругу, пока не начнут съезжаться приглашенные гости.

Соответственно, я появился в Грантли-Грейндже днем двадцать четвертого и поднялся в свою комнату в сопровождении Биджерза, который не только осветил мне дорогу, но и помог распаковать багаж. При этом он с непринужденностью, свойственной старым слугам, пустился судить и рядить о последних событиях.

– Только что доставили корзину с превосходным большим лососем, мастер Джеффри, но это на завтра. Вы его оцените, когда увидите; сэр Рутвен им очень гордится. Духи с вашего прошлого приезда не показывались, – может, и вовсе ушли навсегда. Поговаривают, на следующей неделе на бракосочетание явится сам граф Килдар, но явится или не явится, а серебряный кувшин уже прислал. Может, всех духов в конце концов заперли на замок там, где их место. Элинор, тетушка мисс Лилиан, между прочим, заткнула за пояс графа Килдара. Она, говорят, прибыть не сможет, но видели бы вы, мистер Джеффри, какие она прислала серьги с бриллиантами – в ломбардский орех величиной! Что до сегодняшнего винограда, боюсь, он кое-где тронут плесенью, зато устрицы...

– Хорошо-хорошо... спасибо, Биджерз. – Поток слов меня утомил, и Биджерз, поняв намек, сделал вид, что снимает пылинку с моего венчального фрака, и потихоньку выскользнул за порог. На самом деле я не столько устал, сколько хотел поразмыслить в одиночестве. Что-то в замечании Биджерза пробудило во мне ассоциации, но настолько смутные и неуловимые, что никаких путных выводов из них извлечь не удавалось. Бриллианты размером с ломбардский орех... бриллианты-орехи, орехи-бриллианты – эти слова связались у меня в голове в мелодию, но что из них следует? Как я ни напрягал мозг, фрагменты не укладывались в определенную картину. Ночью продолжалось то же самое: те же слова, те же звуки, та же мелодия, похожая на перестук колес поезда. Среди ночи я проснулся: меня вдруг осенило, но решение загадки показалось столь диким и невероятным, что я сразу его отбросил. Даже тогда, в полусне, в час, когда буйные фантазии мешаются со столь же фантастическими снами, я счел эту идею сумасбродной и достойной осмеяния; вновь погружаясь в сон, я думал, что окончательно с нею расстался. Но вот я пробудился, в окне ярко светило солнце, а в памяти воскресла все та же чудная мысль. Странное дело: мыслил я уже по-дневному спокойно и здраво, наплыва буйных фантазий можно было не опасаться, а ночная идея, причудливая и призрачная, как прежде, вызывала уже не смех, а желание серьезно и тщательно ее обдумать. В конце концов, ничто не мешало проверить ее экспериментально, хотя действовать следовало втайне и осторожно, дабы не навлечь на себя насмешки, если затея провалится.

Одевшись, я на цыпочках прокрался вниз. Утро только начиналось, внизу все было тихо, только одна из горничных смахивала с мебели пыль. Поскольку все давно привыкли к моим ранним прогулкам, она лишь на миг скользнула по мне взглядом и снова взялась за дело. Через окно-дверь я вышел на голую и блеклую зимнюю лужайку. Садовник заново

¹⁸ ...конфликту в Черногории. – Очевидно, здесь подразумевается обострение политической ситуации на Балканах, связанное с борьбой южнославянских народов против османского ига. Кульминацией т. н. «Восточного кризиса» середины 1870-х гг. стала русско-турецкая война (1877–1878).

укутывал растения соломой, но и он лишь притронулся к шляпе и ничего не сказал. По гравиевой дорожке я обогнул террасу и достиг задворков дома, а оттуда свернул к сосновой роще поблизости.

Посреди нее располагался семейный склеп Грантли. Вид его нисколько не омрачал настроения; это была кирпичная постройка нескольких футов в высоту, с некоторой претензией на архитектурную гармонию. Со склепом не было связано ни суеверий, ни сентиментальных воспоминаний. Собственно, на тот день там покоилось не более полутора десятков представителей семейства. Склеп был сооружен четыре века назад, и рассчитывали его приблизительно на сотню покойников, но во времена мятежа в поместье побывали солдаты Кромвеля; им не хватало пуль, и они повыбрасывали мертвых Грантли за порог, чтобы пустить в переплавку свинцовые гробы. После этого здесь нашли приют лишь два-три поколения Грантли; прочих стали хоронить на кладбище у деревенской церкви. Лет десять назад склеп понадобилось открыть, чтобы установить дату смерти одного из усопших, необходимую как доказательство в суде. Дверь, которой давно не пользовались, заупрямилась, в конце концов пришлось сломать замок. Разумеется, запоры собирались восстановить, но – опять же разумеется – не восстановили: как всякое не особенно спешное дело, его откладывали со дня на день, а потом оно выветрилось из памяти. Незапертая дверь немного отошла, хотя ее никто больше не трогал, садовники стали прислонять к ней инструменты, потом открыли шире, чтобы прятать инструменты от дождя, и так, шаг за шагом, полупустой склеп превратился в сарай для садового инвентаря. Здание обросло виноградом, у цоколя скопились папоротники, посторонний принял бы его за обветшавший ледник.

Я толкнул дверь еще немного и заглянул внутрь. Солнце стояло низко, за деревьями, и прямые лучи сюда не проникали, но света хватало, чтобы разглядеть у самого входа груды грабель и мотыг, а также, чуть дальше, ряд ниш, предназначенных для гробов, но с давних времен пустующих. Внутри я установил, что ниши идут двойными рядами, теряясь во мраке. Я раскурил поярче сигару и, зажигая свечу за свечой, двинулся на разведку. В дальнем конце я обнаружил несколько ниш с гробами, которые находились на разных стадиях разрушения. Темная тканевая обивка истлела, кусочки ее валялись тут же и на каменном полу. Внешние деревянные вместилища кое-где уцелели, а кое-где распались на щепки. На нижнем краю некоторых ниш виднелись медные таблички с именами и датами, но они сохранились не все. В одной из ниш помещался источенный червями гроб грубой работы, но ни имени, ни даты, ни даже следа таблички не нашлось. Я не мог не предположить, что здесь покоится несчастный Гарольд Грантли; ему по праву было предоставлено место в фамильном склепе, однако кто-то из милосердных побуждений распорядился не указывать имени, дабы злосчастная судьба покойного канула в Лету. Все более надеясь на то, что поиски достигнут цели, я зашагал дальше. Поминутно меняя свечи, внимательно читал имя за именем; чтобы разобрать под грязью старинные буквы, приходилось протирать таблички носовым платком. Гробов оставалось все меньше, надежда постепенно уступала место разочарованию. Но это продолжалось недолго; вскоре я с несказанной радостью прочел на одной из табличек: «Артур Грантли, опоч. 25 дек. 1663 в возр. 22».

Так вот он – тот, кого я искал. Я стал внимательно разглядывать все, что уцелело. Побитый молью, изгрызенный крысами покров, вставленные один в другой гробы, вот и все. На миг я забеспокоился и огляделся: что, если рядом возникнет веселое юное привидение в пурпурном бархате и кружевах – на поясе качается рапира, и грозно спросит, с какой стати я его беспокою, но вокруг было тихо. Я пребывал наедине с собственными мыслями и намерениями, никто не собирался препятствовать мне или задавать вопросы.

Я боялся, что придется просить кого-нибудь о помощи, но зря. Все как нельзя лучше способствовало моему замыслу. Внешнее хранилище, покоробленное, источенное червями, сгнило окончательно, его можно было бы разбить на части одним ударом; свинцовый средний гроб был разъеден ржавчиной, швы распаялись и разошлись, и мне не понадобилось особых усилий, чтобы отогнуть конец крышки; внутренний гроб из красного дерева прогнил

не меньше внешнего и подался так же легко. В считанные мгновения крышки всех трех гробов были вскрыты, туда можно было запросто просунуть руку.

Ненадолго я заколебался. Что, если, как иногда случается, останки не подверглись тлению и моя ладонь наткнется на твердую плоть? Справившись со страхом, я потихоньку протиснул руку внутрь – она не встретила сопротивления. Лишь тонкий слой праха на дне, едва ли достаточный, чтобы пальцем начертать на нем имя. Это было все, что осталось от веселого молодого кавалера, двенадцатого баронета Грантли. Я начал неспешно шарить по дну, перебирая прах, пока, ближе к дальнему концу, не наткнулся на небольшой твердый предмет. Сердце екнуло от волнения. Что это? То, на что я надеялся, или уцелевший фрагмент кости? Дрожа с головы до ног, я зажал предмет большим и указательным пальцем и кинулся к двери склепа. В полусумраке у приоткрытой двери моя уверенность окрепла, а при ясном дневном свете, подставив находку под золотые солнечные лучи, я расстался с последними сомнениями: мне в руки попал давно потерянный ланкастерский бриллиант.

Глава VI

Вернувшись в дом, я промолчал о своем приключении. Мне казалось, время еще не пришло, лучше подождать до вечера. Язык не поворачивался при ослепительном свете утра повествовать о тайнах мрака, вечных снов и вскрытых гробниц. Пока сумерки не внушат слушателям соответствующего настроения, кто поверит моему рассказу?

Более того: что, если днем явится дух, разгневанный моим вторжением в гробницу, потребует бриллиант назад и, быть может, я испугаюсь его чудовищных угроз и отдам свою находку? Обычное время явления духов близилось, их можно было ждать с минуты на минуту. Дядя Рутвен уже сидел в библиотеке, поджидая своего визитера. Он был как раз настроен не особенно дружелюбно по отношению к духам и громко объявил, что не намерен, как прежде, церемониться; миролюбию его пришел конец, и больше он их в доме не потерпит. А уж в эти дни особенно – сказал он; в доме готовится праздник, есть чем заняться и без них. И вот он, настороженный, уселся в большое кресло и, держа под рукой самый тяжелый том Британской энциклопедии, приготовился сокрушить духа при первых признаках его появления, прежде чем тот промолвит хотя бы одно слово.

Но к удивлению всех домочадцев и к сугубому разочарованию сэра Рутвена (он ведь приготовился действовать и не готов был смириться с тем, что зря потерял время), духи не появились: ни наверху, ни внизу. Ровнехонько в двенадцать, как никогда весело, забили колокола; многоголосый перезвон поражал необычной четкостью и быстротой; но дядю никто не тревожил, и Британская энциклопедия лежала рядом невостребованная. Наконец день стал клониться к вечеру, прозвучал гонг к обеду и мы направились в столовую.

На следующий день мы уже должны были обедать в большой компании; утром, после Рождества в тесном кругу, ожидалось первые гости, которые нарушат наше уединение, и тогда уже не придется жаловаться на скуку. Но сегодняшний день сэр Рутвен желал провести без посторонних. Нас было мало, однако все помнили про Рождество и желали достойно его отпраздновать. Куда ни посмотри, комнату украшали остролист и омела. В дальнем конце камина уютно лежало большое рождественское полено, вокруг него весело трещали сучья поменьше, и оно старалось от них не отставать, но не всегда успешно – при его-то размерах. Пока оно с достоинством тлело, вокруг творились буйные игры, сопровождаемые громким треском и шипеньем. В трубу уплывали кольца красиво подвеченного дыма, пламя вспыхивало языками, освещая все дальние углы и бросая красные отсветы на старые поблекшие портреты; даже древний, весь в трещинах, Рембрандт, на котором никто ничего не мог различить, заиграл яркими солнечными искрами.

Стол был накрыт только для нас троих, но в честь праздника так торжественно, как на два десятка пирующих. В центре водрузили, сняв чехол из зеленого сукна, высокий ветвистый канделябр, которым пользовались лишь в особых случаях. Из мест длительной ссылки вернули антикварное серебро (сэр Рутвен успел уже забыть о его существовании), и

оно, как в прежние века, приятно замерцало в неярком свете канделябра. В расставленных там и сям вазочках неназойливо благоухали цветы. В нужное время из кухни должны были принести голову кабана, чтобы мы любовались, вкушали и делали вид, что ничего лучше в жизни не пробовали. Рождественский пудинг, шепнул мне Биджерз, удался как никогда за многие годы. Вокруг царили уют, гармония и веселье; все располагало к тому, чтобы поведать мою историю.

Возможно, не без некоторой театральности я извлек на свет ланкастерский бриллиант и положил на ладонь Лириан. Я сказал, что не могу придумать лучшего подарка на Рождество, чем вернуть ей ценную и древнюю фамильную реликвию. В самых общих чертах я коснулся того, как реликвия была добыта, зато подробней описал ход мыслей, который привел к догадке, где она спрятана. Я объяснил, что находка позволяет по-новому взглянуть на материалы в «Государственных процессах»; она доказывает, что младший брат не виновен ни в каком убийстве: в пылу ссоры старший брат случайно проглотил бриллиант, приняв его за один из орехов из горки у тарелки (они были той же величины); этим убедительно объясняются и пятна на шее покойного, и исчезновение бриллианта, и – вероятней всего – докучный комок в груди духа, одетого в пурпурный бархат.

– Да-да, это именно так, – прервал меня негромкий голос.

Мы подняли глаза: у дальнего конца стола стояли оба призрака. Еще больше, чем прежде, меня поразило их сходство: различался только цвет платья. Одинаковые лица, красивые и обаятельные, одинаковые любезные манеры. Все сердечные раны явно были залечены, призраки сплетали руки в ласковом братском объятии.

– Мы все слышали, – продолжил дух в красном, – и получили объяснения, до которых сами не смогли додуматься. Оба мы с братом Артуром теперь знаем, что мы мертвы, а посему не вправе впредь посещать кров, более нам не принадлежащий. Мне известно, что меня повесили, но, поскольку я был невиновен, подробности меня не занимают. В любом случае я должен уже давно покоиться в могиле. Моя семья уверилась в моей невинности, братец Артур, как мне известно, несмотря на давешнюю перепалку, по-прежнему меня любит, так что мне до мнения посторонних?

– А я, – подхватил призрак в пурпурном, – просто не знаю, как вас благодарить за свое избавление. Ночами я лежал – теперь мне это понятно – в могиле и не мог заснуть из-за странного комка в груди. Но нынче утром, около восьми, меня внезапно отпустило; это было такое блаженство, что я проспал – впервые за долгие годы пропустил колокольный звон и не нанес в назначенный час своего обычного рождественского визита. Но это всего лишь блаженство телесное, несравнимое с блаженством душевным: я ведь узнал, что братец Гарольд на самом деле не причинил мне никакого вреда. Думаю, если бы мы пришли к согласию по единственному поводу, который нас разделяет, то есть по поводу нашей общей привязанности к кухне Беатрис, мы бы...

– Пожалуй, тут я легко мог бы вас успокоить, – вмешался дядя Рутвен. – Если вы уделите мне минутку внимания, я покажу вам верный оригиналу портрет вашей кухни Беатрис в позднейшие годы.

Подняв со стола канделябр, он направил свет на одну из картин, висевших на стене. На портрет кухни Беатрис в зрелые лета. Картина была в трещинах, темная и ветхая, но лицо по странной случайности сохранилось хорошо. Это было лицо, давно утратившее свежесть и миловидность юности, но не приобретшее взамен достоинства – украшения зрелых лет. Густо загримированное и напудренное лицо ветреницы, без малейших следов приятности или доброты; сам сэр Годфри Неллер¹⁹, при всем своем искусстве, не смог, не жертвуя схожестью, украсить его хотя бы искрой благородства или убрать мерзкое тщеславие, что проглядывало в каждой черте.

¹⁹ ...сам сэр Годфри Неллер... – Сэр Годфри Неллер (1646–1723), художник-портретист, немец по происхождению, переехавший в 1676 г. в Лондон и ставший со временем придворным живописцем Вильгельма III и затем Георга I.

– Портрет вашей кузины Беатрис на пятидесятом году жизни, – пояснил дядя Рутвен. – Замуж она не вышла, при дворе отличилась своим умением жульничать в карты.

Юноши-призраки внимательно всмотрелись в картину. Мне показалось, что их братское объятие сделалось еще теснее. Наконец они, удовлетворенные, отвернулись.

– Не думаю, что у нас когда-либо повторятся ссоры из-за кузины Беатрис, хоть мы и забываем иногда, что больше не живы. – По лицу старшего брата пробежала обаятельная улыбка. – А теперь, когда все разногласия так благополучно улажены, нам остается только проститься. Сон брата Гарольда не будет отныне тревожить мысль, что я к нему несправедлив, моему сну не станет мешать комок в груди, – вероятнее всего, мы не пробудимся больше, чтобы вам докучать.

– Погодите, – вскричал дядя Рутвен. Искренне тронутый, он забыл и думать о Британской энциклопедии. – Куда же вы так скоро? Не хотите ли с нами пообедать?

Духи тем временем уже начали исчезать: как раньше, граница невидимости побежала от ног выше и добралась уже до середины туловища. Тут она нерешительно дрогнула и двинулась вниз; призраки снова показались полностью. словно бы подержались в раздумье за ручку двери и вернулись.

– И еще, – продолжил дядя. – Я должен извиниться за прежние грубые поступки по отношению к одному из вас.

– Все уже забыто. – Призрак в красном отвесил поклон. – Что скажешь, братец Артур, можем мы немного задержаться?

– Разве что минуточку-другую, братец Гарольд, хотя бы для того, чтобы искупить невежливость по отношению к молодому джентльмену, которую я позволил себе не далее как в прошлом году.

Призраки сели за стол, и обед начался. Приятно было наблюдать их старомодную любезность: галантные наклоны головы при каждом слове, адресованном Лилиан, ловкость, с какой они, не желая привлекать к себе излишнее внимание, делали вид, будто едят и пьют. Не обладая телесностью, они на самом деле не могли ни есть, ни пить, но все время подносили ко рту полные бокалы и вилки с кушаньями и, не притронувшись, возвращали обратно. Одно удовольствие было слушать их разговор: приправленный кое-где, по моде прошлых времен, богохульством, он тем не менее поражал живостью, остроумием, искрометным весельем. Вначале, конечно, беседой завладел дядя Рутвен с очерком позднейшей семейной истории, но далее слово перешло к духам, которые полчаса премило развлекали нас неизвестными дотоле историями про двор Веселого Короля. Естественно, я забыл о современности и обратился мыслями к романтическому прошлому; воображение неудержимо увлекло меня в старые добрые времена Стюартов. Прозаический девятнадцатый век остался за спиной, я вмешался в веселую беззаботную толпу – король и придворные вовсю вознаграждали себя за лишения, которые претерпели в мрачный период Республики. Вокруг меня теснились, превращая прошлое в реальность, а настоящее – в изменчивый миф, Гамильтон²⁰ и Нелли Гвин²¹, де Грамон²² и Барбара Вильерс²³, Франсес Стюарт²⁴, те и

²⁰ *Гамильтон*. – Антуан Гамильтон (1646–1720) – французский аристократ при дворе Карла II. Автор воспоминаний о жизни Англии второй половины XVII в. Его «Мемуары графа де Грамона» (1713), выразительно рисующие нравы английской знати во время Реставрации Стюартов, были переведены на английский язык (Гамильтон писал по-французски).

²¹ *Нелли Гвин*. – Элинора (Нелли) Гвин (1650–1687) – актриса, фаворитка Карла II, имевшая от него двоих детей.

²² *Де Грамон*. – Здесь, вероятнее всего, имеется в виду граф Филибер де Грамон (1621–1707), французский аристократ, в 1662 г. высланный из Парижа за любовную связь с фавориткой Людовика XIV. Провел два года в Лондоне, играя заметную роль при дворе Карла II, и женился на знаменитой красавице Элизабет Гамильтон, брат которой – Антуан Гамильтон – написал «Мемуары графа де Грамона», якобы продиктованные ему самим графом. Однако в названную эпоху известен был и французский пират Мишель де Грамон (р. ок. 1645), корабль которого бесследно исчез в Карибском море в апреле 1686 г.

другие ославленные мертвецы, поступки которых не заслуживают одобрения, но имена, овеванные романтикой, живут в истории и все еще притягивают наше любопытство. Под влиянием минуты даже портрет старой бедной шулерши Беатрис Грантли облекся как будто прежним очарованием юности; в бликах свечей и рождественского полена на нем проступили не заметные прежде следы красоты, и в целом оно вернуло себе ту миловидность, которой прельстился в свое время, когда она случайно явилась при дворе, король Карл, – впрочем, вскоре он забыл о мимолетном флирте, вернувшись к более устойчивым привязанностям.

– Вот уж поистине веселый двор; грустно вспоминать о нем, зная, что никогда там больше не окажешься, – заключил призрак в пурпуре. – И как бы украсила его собой моя прекрасная юная родственница, – добавил он, кланяясь Лилиан, – даже кузина Беатрис с ней бы не сравнилась. И я уверен: не в пример ей, с годами ваш облик не утратит привлекательности и благородства. А чтобы оправдать мое предсказание, будьте осторожны, не повторяйте моей ошибки.

Призрак многозначительно указал на ланкастерский бриллиант, который, по странному совпадению, лежал как раз подле тарелки Лилиан в горке ломбардских орехов.

– Однако не сомневаюсь, – добавил он в куртуазной манере своего века, – эти нежные губки ни на какие промахи не способны. А бриллиант, дополненный парным, пусть лучше послужит украшением для прелестных ушек.

– Парным, вы сказали? – удивился я, задавая себе вопрос, не проглотил ли юноша-призрак два бриллианта и не слишком ли поспешно я закончил поиск.

– Да, парным. Неужели не знаете? В самом деле? Было ведь два больших бриллианта, ланкастерский и йоркский. Благодаря союзу отпрысков этих двух враждебных партий они достались оба одному семейству, а потом, опять же через брак, перешли к Грантли. Во времена Кромвеля бриллианты, чтобы их не конфисковали, были спрятаны в разных местах, местоположение тайников для большей надежности нигде не записывали, а передавали из уст в уста. Во времена Реставрации секрет был известен мне одному. Перед смертью я, как вам хорошо известно, успел извлечь на свет божий ланкастерский бриллиант. Йоркский все еще находится в тайнике. Разрешите нам с братом преподнести его вам как наш совместный рождественский подарок. Вы найдете его в металлической шкатулочке рядом с...

И тут как раз за окном подал голос захудалый бентамский петушок. Это была жалкая, лысая птичка, с висющим крылом и кривым пальцем; из-за этих, а может и других, незаметных нам дефектов он был постоянно гоним из общества насельников птичьего двора. Его норовили клюнуть даже курицы. Его голос, тонкий и писклявый, походил на свист неумелого школьника. И произошло это не в полночь и не на заре, а в семь часов вечера. С чего бы, казалось, уважающему себя духу повиноваться столь жалкому крику столь жалкой птицы в столь ранний час? Но, видимо, существует такое непреложное правило для всех законопослушных привидений; или, быть может, слишком это затруднительно – делить на разряды различные образчики петушиного пения. Так или иначе, при первом же хриплом писке призрак замолк и вопросительно взглянул на своего брата; тот кивнул, и оба медленно растворились в воздухе.

– Какие же они смешные, эти духи! – проговорила Лилиан. Но мне подумалось, что, глядя на ланкастерский бриллиант и прикидывая, как бы выглядели на ней оба рождественских подарка, она горько пожалела о том, что петушишка не затеял свой концерт

²³ *Барбара Вильерс.* – Барбара Вильерс, леди Кастлмейн (в замужестве с 1670 г. – герцогиня Кливлендская; 1641–1709) – придворная дама, любовница Карла II.

²⁴ *Франсес Стюарт.* – Франсес Тереза Стюарт (в замужестве с 1667 г. – герцогиня Ричмонд и Леннокс; 1648–1702) – фрейлина при дворе Карла II, славившаяся своей красотой. Отвергла любовные притязания короля, который, по свидетельствам современников, в отчаянии подумывал о разводе, чтобы жениться на ней.

хотя бы минутой позднее.